

ИЗ ИСТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ДВЕ МОДЕЛИ СВОБОДЫ

Е.В. Кармазина

Новосибирский государственный
технический университет

Karmazin.88@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ теоретических позиций Ф. Тённиса и Э. Дюркгейма по проблематике взаимосвязи и исторического развития социальной системы, личности и свободы. Акцентированы различия субстанциальных оснований (воля vs деятельность), соотношения части/целого и внутреннего/внешнего («своего»/«чужого») применительно к взаимосвязи личности и общества, значения личных и безличных начал в разных типах социальности. В концепции Gemeinschaft (общности) Ф. Тённиса, формирующей образ «коллективной личности», социальная система оценивается как фактор отчуждения, несвободы и моральной деградации. Согласно теории Э. Дюркгейма, индивидуализация и развитие личности выступают как результат объективных процессов усложнения и дифференциации системно оформленной деятельности. Именно логика развития безличной системы, с ее императивами эффективности и функциональности, расширяет социальное пространство личностного самоопределения, обеспечивающее автономию личности. В статье аргументирован тезис о преемственности современных альтернативных интерпретаций и оценок традиционного и современного типов общества по отношению к идеям Ф. Тённиса и Э. Дюркгейма.

Ключевые слова: социальная система, свобода, личность, разделение труда, общность, общество.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-53-60

Проблемы современного социального развития – его универсальность и множественность (а также свойственные ему механизмы, условия, возможности и ограничения), его необходимость и случайность (негарантированность), его антропологический смысл и общекультурное значение – это «тема нашего времени», раскрываемая в бесчисленном множестве текстов через исследование наиболее острых и болезненных вопросов «о природе и причинах богатства народов», об «успешности» одних и «неуспешности» других, о прогрессивности и отсталости, о «притязаниях культур», о глобализации и мультикультурализме, о

«центре», «периферии» и «полупериферии» и т. д. Всё это осуществляется, как правило, не объективно-научно, а остро эмоционально, зачастую с оценками в логике ницшеанского ressentiment (зависти-злобы) и с апокалиптическими прогнозами. Типичными среди интеллектуалов-гуманитариев являются настроения и установки, указывающие на «кризис идентичности» по отношению к основаниям современного социального порядка, образно говоря, «мятеж против современности» (Д. Белл). Это характерно и для нынешней России: формально мы нацелены на «модернизацию» и «инновации», однако реально, по заме-

чаниям наиболее авторитетных специалистов, формируем культурную среду, обращенную в прошлое, враждебную любым нововведениям.

Исходя из задач осмысления и преодоления масштабного социокультурного «кризиса идентичности» (вариант: «кризиса легитимности» современного социального устройства), необходимо обращение к исследованию не только социально-психологических, но и теоретических, концептуально оформленных идей, интерпретирующих основные параметры социальной реальности. В частности, речь идет о таких фундаментальных идейных комплексах, как социальная система, личность и свобода, взятых в их историческом развитии, подлежащих объяснению и оценке в диахронической модальности прошлого–настоящего–будущего. В современных общесоциальных теориях по данной тематике представлена альтернатива двух «идейных платформ», первая из которых является по отношению к современной социальной системе радикально критической (акцентирует ее негативное антропологическое, антиперсоналистическое, «античеловеческое» значение), а вторая осуществляет теоретическую легитимацию «системы» в аспекте ее объективной необходимости и оценки в качестве исторического основания развития индивидуальности и свободы. Обе эти идейные платформы уходят корнями в историю общетеоретической социологии, оформляются в качестве антитезы двух базовых альтернативных моделей личности и свободы (а также соответствующего социального контекста) еще в теоретических работах конца XIX века. Сравнительный анализ данных моделей составляет содержание нашего исследования.

Если обратиться к общетеоретической социологической классике, то привлекают внимание два фундаментальных текста, непосредственно посвященных исследованию развития социальной системы в ее антропологическом измерении, т. е. в единстве с процессами становления и развития личности. Это «Общность и общество» Ф. Тённиса [2] и «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейма [1]. Данные работы многое связывает, но еще больше моментов их разделяет. Они связаны единством времени: годы публикации – 1887 (работа Ф. Тённиса) и 1893 (работа Э. Дюркгейма). Общей у них является логика структурирования материала (сопоставление двух базовых типов социальной системы, которые соотносятся диахронически и синхронически); совпадают даже некоторые ключевые элементы понятийного аппарата (понятия органической и механической солидарности). Оба текста очень философичны: их характеризует доминанта социально-философского обобщения по отношению к конкретно-научному социологическому материалу, стремление выстроить общую картину устройства социального мира и места человека в этом мире. Наконец, обе книги обращены к идее свободы. Для каждого из авторов очевидной является взаимосвязь относительно новой «социально-системной» темы с классической проблематикой философии свободы. При всех этих чертах общности содержание данных текстов и их выводы радикально различаются: по сути, в них концептуализированы две альтернативные модели личности и свободы, опирающиеся на противоположные подходы к объяснению сущности социального бытия, а также основных форм взаимосвязи и детерминации в человеческом

социально-индивидуальном развитии. Особое значение приобретает тот факт, что зафиксированная в работах Ф. Тённиса и Э. Дюркгейма теоретическая альтернатива не может быть отнесена только к сфере «истории социологических учений» и сдана в архив; напротив, есть все основания считать, что она вплоть до настоящего времени служит одним из главных оснований для оформления доминирующих теоретических позиций в данной предметной области. Сложившаяся в XX веке традиция противопоставления и оценки антропологического значения двух аспектов социальности – «жизненного мира» и «безличной системы» – во многих своих чертах восходит именно к заочной полемике, которую вели в конце XIX века крупнейшие социологи той эпохи.

Согласно Ф. Тённису, сущность и субстанцию человеческого бытия в его индивидуальных и общественных формах образует воля. Она оформляется в индивидуальных и в коллективных субъектах, которые взаимосвязаны сложным образом, но с доминантой коллективности: народ как субъект воли преобладает над волей отдельного человека, люди «причастны» к народу и из его единства, его воли и силы черпают «материал» для формирования и поддержания собственного существования [2, с. 365]. Два типа социальной организации – «живой организм» (*Gemeinschaft*) и «механический агрегат» (*Gesellschaft*) – детерминируют два базовых типа личности: «самость» (*Selbst*) и «лицо» (*Person*). Каждая из этих сущностей выступает в качестве особой формы «единства» (целостности) [Там же, с. 241]. «Самость» есть единое в себе, образующее «внутреннюю определенность», а «лицо» есть единое в ином, конституируемое «внешней определенностью». Внутреннюю определенность задают в конечном итоге естественные факторы родства и семейственности, единства народности; внешняя определенность производна от деятельности. В исследовании Ф. Тённиса концептуализируется различие двух типов свободы: «подлинно человеческой» и «неподлинно человеческой». Подлинно человеческая свобода детерминирована «изнутри», а не «извне»; она представляет собой «развитие собственной способности», поэтому имеет «основание в себе», а не в чем-то ином – и в этом смысле она есть «само-реализация», «самодетерминация» и «самоопределение». «Подлинно человеческая» свобода заключается не в отдельности – автономии, независимости, а, наоборот, в единстве и цельности, в «причастности» к своим естественным основаниям – семье и народности, формам «общности», каждая из которых есть «субъект связанных сущностных волей» [Там же, с. 199]. Человек – это индивидуальная часть естественной целостности, носителем свободы является не он сам в своей отдельности (автономии), но «общность»: ее свобода объективна, а человеку она дана субъективно, т. е. в его самосознании, «в индивидуальной истине». Общая логика данной концепции: через субстанциализацию воли – к апологии естественной целостности «общности» (*Gemeinschaft*) и возвышению ее в статус субъектности при низведении личности на положение субстрата (объектной данности). Социальная система в качестве атрибута «общества» (*Gesellschaft*) оценивается как фактор отчуждения, несвободы и моральной деградации.

Тенденции концептуализации развития личности и свободы сквозь призму принципа деятельности представлены в общесоциологической теории Э. Дюркгейма. Все

социальные институты (компоненты системы), обеспечивающие целостность социума, исторически складываются и развиваются на фундаменте деятельности, ее закономерности «оформляют» и потребности фиксируют. В качестве наиболее масштабного и значимого социального события Э. Дюркгейм рассматривает историческое становление и развитие личности. Характеристики индивидуальности (индивида как личности) не являются чем-то изначально данным: это не природный по своему происхождению, а социальный феномен. Так же и свобода, важнейший признак и главное свойство личности, имеет социальное происхождение [1, с. 412]. Анализируя историческое развитие форм социальности, автор исследует параллельно происходящие процессы становления личного самосознания и способности самоопределения. Он указывает на значение факторов самосознания и мотивации, «внутреннего баланса Я и Мы» (формулировка Н. Элиаса) при определении личности и свободы: если в своем сознании человек не отделен от группы, мыслит исключительно в модусе Мы, считая себя лишь частью целостности Мы, то он и есть «часть», имеющая основание не в себе, а во внешней целостности. Сущность личности и корень ее свободы – в способности самосознания и самоопределения, которая создает способность самодетерминации. Такая способность развивается под давлением объективной социальной необходимости, которая, исходя из собственного императива повышения эффективности кооперируемой деятельности (системного императива), «требует» от людей обособления по отношению к первичным Мы, причем это обособление осуществляется и в деятельности (разделение труда, специализация), и в сознании (развитие способно-

сти «самоорганизации» и рефлексии), что влечет за собой ослабление «принудительной силы» коллективного сознания, его регламентирующих и контролирующих функций [1, с. 298]. Последовательно проводя общую линию субъектной трактовки личности и свободы (личность – самостоятельный источник действия), Э. Дюркгейм обозначает основные вехи освобождения, отмечающие этапы «пути на свободу», который исторически во множестве поколений проходит формирующаяся личность. Индивидуализация и развитие личности выступают как результат объективных процессов усложнения и дифференциации системно оформленной деятельности [Там же, с. 395]. В данной концепции представлена общая логика «возвышения» социальной системы в качестве объективного основания свободы.

Исходя из задачи сравнительного анализа теорий Ф. Тённиса и Э. Дюркгейма, особый интерес представляет антиномия, которая оформляется в интерпретации понятийных оппозиций внутреннего/внешнего и части/целого. Она затрагивает содержание одного из основополагающих тезисов, который является общим для обеих концепций: развитие (совершенствование) личности, совпадающее по смыслу со свободой, может быть понято через развитие, сохранение и воспроизводство социальных факторов, обеспечивающих ее (личности) «основания в себе» и ограничивающих внешние, «чуждые» влияния (зависимости) – «основания в ином». Но что считать своим, а что – чужим применительно к феноменологии человеческой жизнедеятельности, укорененной не только в индивидуальной экзистенции, но и в формах социальности? Если свобода – это развитие своего собственного, внутреннего («са-

мого себя»), то именно вопрос о принципах определения границ между внутренним и внешним («своим» и «чужим») применительно к личности становится ключевым для построения всей теории. Противоречия по линии толкования внутреннего («своего») и внешнего («чужого») задают противопоставление двух концептов личности – индивидуальной и коллективной (групповой), соответственно, оформляется радикальное противоречие двух концепций свободы.

В данной предметной области наиболее существенным является различие позиций в определении «инстанции» свободы. В рамках первой позиции (Ф. Тённис) чертами субстанциальности («основания в себе») и субъектности наделяется не индивид, а общность: онтологический статус группы, образно говоря, «выше» онтологического статуса индивида. Поэтому формирование «основания в себе» – это не обретение личностной автономии через социальное дистанцирование; «в себе» означает «в духовном и душевном союзе с другими членами общности», в причастности общей жизни и общему делу. «Самость» (Selbst) – это не атрибут личности, это свойство общности – «коллективной личности», поэтому свобода имеет своей основой не различие (индивидуальность), а тождество, цельность и слитность общности, к которой индивид причастен и из которой черпает собственную силу. Индивид в его экзистенциальном качестве – это не субъект, а субстрат. Отдельный человек не образует самостоятельности «целого», он есть часть, элемент, субстрат общности, и в ней имеет свои «внутренние» основания. Призрак «коллективной личности» обретает реальность и выдвигается на первый план в качестве «инстанции» свободы. Со-

циальные институты общества образуют систему как нечто внешнее и объективированное («иное», «чужое»), в отличие от «своего», «собственного» – непосредственно-личных отношений «общности». В этом качестве «система» есть радикальное зло: она вносит в отношения людей безразличие и потенциал враждебности. Здесь непосредственно речь идет о феномене отчуждения как социального дистанцирования: люди становятся более чужими друг другу, одинокими, изолированными и утратившими «внутреннюю опору» коллективной солидарности, тем самым и «самих себя».

В рамках второй теоретической позиции (Э. Дюркгейм) статусом личности и, соответственно, качеством субстанциальности наделяется только индивид во всех его индивидуально-экзистенциальных свойствах. Коллектив, группа, любые социальные институты и социальные общности – это реляционные сущности, это всегда «внешнее» по отношению к индивиду, «внутренним» могут быть только его собственные индивидуальные качества. Нет и не может быть никаких «коллективных личностей», в которых люди имеют собственные внутренние основания. Понятие «основание в себе» по отношению к личности означает сформированность и силу внутренней «инстанции» Я-субъекта, ответственной за способности самосознания, самоопределения и в целом «самоорганизации» индивида. Незрелость индивидуального самосознания может обуславливать подчиненность индивида общности, доминанту модуса Мы в самосознании, и это именно несвобода – «частичность» личности (по определению: «часть имеет основание в целом») в ее отношении к общности как «целому», имеющему основание в себе самом. Социальная система (безлич-

ная «инстанция» социальной необходимости, целесообразности и функциональности) по отношению к личности находится в двойственной и противоречивой позиции: с одной стороны, доминирует, подчиняет личность своей «надличностной», «объектной» функциональной логике по принципу «функция рождает орган», с другой – создает объективные условия для развития индивидуальности и личностной автономии, освобождает от контроля и диктата общности, возвышая тем самым из статуса объекта в положение субъекта, из статуса «части» в статус «целого».

Альтернатива исследуемых теоретических позиций по вопросу о личности, системе и свободе представлена также в логике противопоставления двух типов общества (традиционного и современного) по следующим основаниям:

- естественность / искусственность;
- эмоциональность / рациональность;
- соотношение личных и безличных начал социальной жизни.

Обратим внимание на третий из обозначенных аспектов оформляющейся антиномии. В тезисе (Ф. Тённис) утверждается, что социальная целостность, обеспечивающая развитие и свободу личности, может осуществляться только в условиях доминирования непосредственно-личных, субъект-субъектных отношений, говоря современным языком – интеракции («взаимодействия присутствующих»). Все факторы объектности и объективации, образующие безличные, «деперсонализированные» модулы социальной реальности, интерпретируются в качестве оснований разрушения личностного бытия, поскольку они создают «анонимность», маски без лиц.

В антитезисе (Э. Дюркгейм) социальная целостность, создающая условия сво-

боды личности, трактуется с точки зрения ее детерминации объективными процессами усложнения деятельности. Исторически доминанта непосредственно-личных отношений маркирует архаическую неразвитость личности. Именно логика развития безличной системы с ее императивами эффективности и функциональности, ведущая к дифференциации функций, создает более опосредованные (субъект-объектные, безлично-ролевые) связи, расширяет социальное пространство личностного самоопределения и одновременно формирует новые, в современной терминологии – «внутренне референтные» (Э. Гидденс) механизмы социальной интеграции, обеспечивающие автономию личности.

Взятые в целом представленные антиномии уже очерчивают общие контуры последующего развития теоретических позиций по проблематике взаимосвязи системы и личности. Парадоксальным образом последующее развитие антропологических и социально-философских идей в логике персонализма и экзистенциализма, возвышающих индивидуально-личностное начало человеческой жизни, происходило в направлении апологии естественности (непосредственности общения и личной близости), иррациональности, свободы, трактуемой в качестве «спонтанности», критики безлично-системного фактора объективации. Персоналистические теории, в своей наиболее общей интенции стремящиеся к возвышению индивидуальности и поэтому акцентирующие принцип различия в противовес воинствующему тождеству консервативно-романтической идеологии, свой потенциал развития стали осуществлять через концептуализацию идей, представляющих собой главные социально-антропологические выводы консерва-

тивно-романтического идейного комплекса с его апологией единства, «слитности», «органичности» и целостности, с его индивидом в роли субстрата (первокирпичика, элемента, «части»). Социальная система в последующем движении персоналистического направления была представлена как результат объективации, нечто внешнее и чуждое личности, вне зависимости от того является ли эта личность индивидуальной или коллективной. Она видится как начало по определению безличное, угнетающее и закабаляющее, убивающее живой смысл и эмоционально-волевую силу личного бытия. В данном мировоззрении объективация есть зло, знак «порабощения» и «падшести» (Н. Бердяев). Иначе говоря, идея свободы несовместима с «необходимостью дела», которое всегда системно оформлено и несет в себе неистребимую логику отчуждения. Даже «похоронив» коллективную личность во многих своих текстах, экзистенциально-персоналистическая традиция тем не менее отказалась признавать необходимость системно организованной деятельности в «подлинно человеческой» жизни, строила в отношении социальной системы образ Молоха (Левиафана), могущественного в своей бесчеловечной силе, в неестественности и рациональности, чудовищного в своей враждебности людям.

Субъектно-деятельностная парадигма, представленная в научно ориентированных концепциях (структурно-функциональный анализ, теория модернизации и др.), напротив, всё более определенно воспроизводит

идею практической деятельности и объективации как исторического ядра «подлинно человеческого», необходимого основания человеческой жизни, культуры и свободы. Людям изначально ничего не дано, всё должно быть исторически создано. Необходимость исторически развивающейся и всё более отчуждающей человека деятельности не может быть «вынесена за скобки» и «сокращена» при определении свободы. Напротив, свобода – плоть от плоти этой необходимости, и потому должна, условно говоря, вынести ее тяготы на своих плечах. Рождение индивидуально-личностного самосознания и потенциала индивидуальной свободы из многовекового тяжкого труда и безличных социальных модусов отчужденной деятельности – социальных норм, ролей и институтов – неразрывно связывает свободу (самоопределение Я, «необходимость себя») и «необходимость дела». Внутреннее противоречие данной концепции, отражающее нарастающий конфликт между интересубъективным (субъект-субъектным) миром с доминантой Я и «интеробъективным» формально-рациональным миром деятельности, будет осознано позднее и станет одной из главных тем философии и социальной теории нашего времени.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественно-го труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
2. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 451 с.

FROM THE HISTORY OF SOCIOLOGICAL THEORIES: TWO MODELS OF FREEDOM

E.V. Karmazina

Novosibirsk State Technical University

Karmazin.88@mail.ru

The article presents a comparative analysis of theoretical positions of F. Tönnies and E. Durkheim on the problems of the relationship and the historical development of the social system, individuality and freedom. The author highlights the differences between substantial grounds (liberty vs activities), the correlation of the part and the whole, internal and external («own» and «alien») applied to the relationship of an individual and society, the significance of personal and impersonal phenomena in different types of sociality. In the F. Tönnies's concept of Gemeinschaft (community) creating the image of collective personality social system is evaluated as a factor of alienation, lack of freedom and moral degradation. According to the theory of Emile Durkheim individualization and personal development emerge as a result of objective processes of differentiation and complexity of systematically executed activities. The logic of an impersonal system development with its imperatives of efficiency and functionality expands the social space of personal self-determination to ensure the autonomy of the individual. The author argues for the thesis about the continuity of today's alternative interpretations and evaluations of traditional and modern types of society in relation to the ideas of F. Tönnies and E. Durkheim.

Keywords: social system, freedom, identity, division of labor, community, society.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-53-60

References

1. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [*The division of labor in society*]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (In Russian)

2. Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft: grundbegriffe der reinen Soziologie [Community

and association: main notions of pure sociology]. Leipzig, Hans Buske, 1935 (Russ. ed.: Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo: osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. 451 p.).